

1904

А. П. ЧЕХОВ

1954

Памятные места

Москва. Садово-Кудринская улица. Старинный двухэтажный каменный особняк, «комод с выдвинутыми ящиками», как охарактеризовал Антон Павлович Чехов этот дом, где долгое время жила семья писателя. В ознаменование 50-летия со дня смерти великого русского писателя по решению Советского правительства в этом доме вчера открылся мемориальный музей.

С Москвой тесно связаны вся жизнь и творчество гениального художника слова. В августе 1879 года девятинадцатилетний юноша Чехов приехал из Таганрога в Москву и поступил на медицинский факультет университета. Здесь, в Москве, было написано первое произведение «Письмо к ученому соседу», напечатанное в журнале «Стрекоза» за 1880 год. Начиная с этого времени, в Москве и под Москвой развертывается литературная деятельность писателя. И даже, когда болезнь заставила Антона Павловича поселиться на юге, он не порывал связи с любимым городом. «Я навсегда москвич», — писал он. Внимательно следил писатель за работой молодого тогда Московского Художественного театра, который дал спленическую жизнь гениальной драматургии Чехова.

Дом на Садово-Кудринской — свидетель быстрого роста славы Антона Павловича. Здесь юморист Антоша Чехонте, который из-за нужды писал бесчисленное количество различных юморесок и шуток, превратился в писателя Антона Чехова, чье имя стало известно всей читающей России.

Семья Чеховых занимала оба этажа этого небольшого дома, составлявших небольшую квартиру. В нижнем этаже посетители музея увидят личные комнаты Антона Павловича — кабинет и спальню. Они восстановлены в том виде, в каком были при жизни писателя. Обстановка кабинета поражает своей скромностью: полки с книгами, диван, три кресла, простор, покрытый черной краской письменный стол. За этим столом Антоном Павловичем была написана поэтическая повесть «Степь» — первое из его произведений, появившееся в толстом журнале и сразу выдвинувшее автора в первые ряды литераторов. Здесь же был написан «Иванов» — первая пьеса. За этим столом был подготовлен к печати сборник «В сумерках», доставивший Чехову академическую премию имени Пушкина.

В этом доме Чехова посещали многие виднейшие представители русской культуры — Д. В. Григорьев, В. Г. Короленко, П. И. Чайковский, А. П. Плещеев, И. И. Левитан, А. П. Ленский, В. Н. Давыдов.

В других трех залах дома Государственный литературный музей показывает исключительное по полноте и исторической ценности собрание материалов, относящихся к жизненному и творческому пути А. П. Чехова. В основе этого собрания — личный архив писателя.

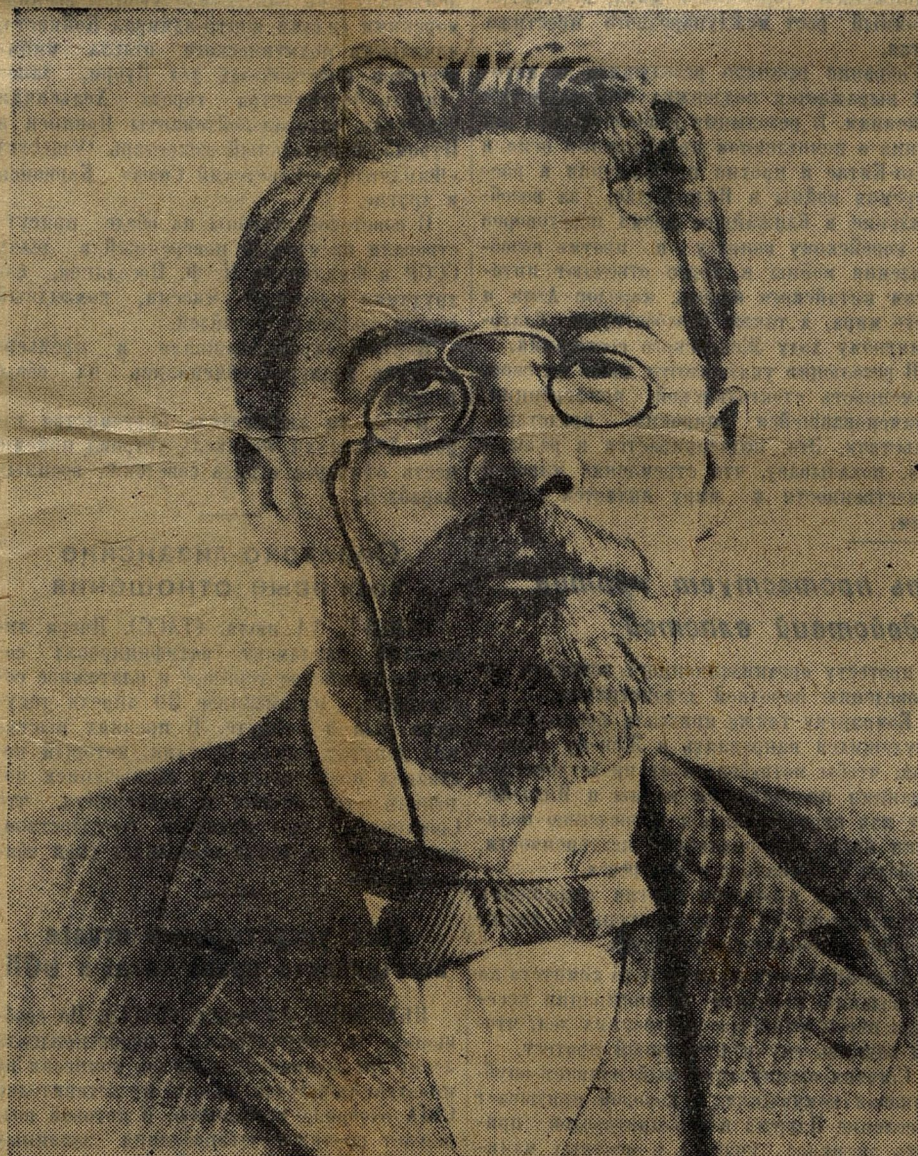
Советский народ бережно и любовно относится к литературному наследию Чехова. Огромными тиражами его книги издаются в нашей стране и в странах народной демократии. Общий тираж изданных произведений А. П. Чехова в Советском Союзе на январь нынешнего года превышает 39 миллионов экземпляров. На стенде — чеховские пьесы, повести и рассказы на русском, украинском и белорусском, казахском и грузинском, польском, албанском и китайском языках. Демонстрируется пять книг Чехова, изданных на молдавском языке.

Тысячи москвичей и гостей столицы посетят особняк на Садово-Кудринской улице, где, осматривая мемориальный музей, с новой силой ощутят облик Чехова — родного, близкого человека, великого писателя и патриота нашей страны.

А. РОЖНОВ,
(наш корр.)

Москва.

Гениальный художник слова

образен круг его героев. Тут заводчики и фабриканты, стяжатели-купцы, тупые и жестокие полицейские — унтеры пришибевы, бездумные чиновники всех рангов, крестьяне, задавленные нуждой, художники, адвокаты, инженеры, — характеры самые разные: то опустошенные, бесплодные мечтатели, и, наоборот, люди творческого горения, смелые, беззаветно преданные своему делу... Целый мир заключен в его произведениях, и все эти характеры переданы с потрясающей силой правды, точными штрихами художника, раскрывающего самые сокровенные, самые потаенные мысли, чувства, стра-

сти, надежды. Каким огромным философским обобщением, психологическим содержанием наполнен каждый рассказ Чехова, сколько мыслей будит каждое его произведение!

Его светлый, умный талант был многогранен. Чехов поднимался в своих произведениях до подлинной сатиры, создавая такие типические образы, как унтер Пришибев, Хамелеон, как гнусный и мерзкий «Человек в футляре» — учитель Беликов. Жесточайшим обвинительным актом самодержавию прозвучала знаменитая «Палата № 6». Душная тюремная обстановка, в которую бросил царизм

страну, с потрясающей силой была воспроизведена писателем. В. И. Ленин говорил, что после прочтения этого рассказа у него было «такое ощущение, точно я заперт в «палате № 6». Это произведение будило в общественном сознании гневный протест против режима гнета, террора, бесправия.

Беспощадную и горькую правду говорил Чехов в своих рассказах русскому читателю. Но и в то гнетущее время, когда писатель создавал свои произведения, в нем не угасала вера в талант и силу своего народа, вера в лучшее будущее. Нет, он никогда не был хмурым бытописателем, равнодушным регистратором темных сторон жизни.

Он искал среди простых русских людей тех, в ком с наибольшей силой воплотились лучшие черты национального характера. Беспощадно требовательный к себе, он считал, что талант — это прежде всего труд, и больше всего ценил в людях любовь к труду, умение работать, всего себя отдавать любому делу. Именно этим труженикам, людям с творческой душой, посвящены его самые задушевные странички. Таков врач Дымов, герой рассказа «Попрыгунья», скромный и самоотверженный труженик, не падающий самого себя для науки, глубоко обаятельный, истинно русский характер. Таков и доктор Астров из «Дяди Ваня», мечтающий насадить леса, чтоб вернуть земле плодородие, дать счастье людям. Такова и Чайка — Нина Заречная, несмотря ни на какие испытания ставшая стойкой актрисой. Таков и молодой ученый-химик Ярцев и многие другие герои Чехова.

Именно за эту страстную любовь к людям труда так высоко ценил и любил Чехова родоначальник литературы социалистического реализма — великий Горький.

Чехов был великим мастером рассказа, в котором он выступил смелым новатором, создавшим непревзойденные в мировой литературе художественные образы. Он же выступил и как замечательный драматург, пришедший на сцену и новое содержание, и новые формы.

Горький говорил об изумительном мастерстве Чехова — художника слова: это писатель, у которого нет ни одного лишнего слова. Главный герой чеховских книг — правда.

Язык Чехова удивителен по своей лаконичности, простоте, точности, меткости. В трех-пяти словах дается целая картина, черта характера, характеристика события или человека.

Русский писатель, с удивительной силой передавший в своих книгах и своеобразие национального характера, и красоту родной природы, писавший во всем блеске и красоте русского языка, Чехов стал любимым писателем всего человечества.

И в далеком Китае его пьесы ставятся на сцене, его книги переводятся лучшими писателями. И в Азии, Америке, Европе — во всех частях света творчество Чехова оказало влияние на развитие литературы XX века.

О благотворном влиянии Чехова говорят и французские, и датские, и немецкие, и американские, и чешские писатели.

Решение Всемирного Совета Мира о праздновании юбилея Чехова есть выражение любви и преклонения всего передового человечества перед великим русским писателем Антоном Павловичем Чеховым.

М. КУЗНЕЦОВ.

Памятные места

Дом-музей А. П. Чехова в Ялте, где писатель прожил несколько лет, создан по инициативе и при активном участии сестры писателя — Марии Павловны, которая в течение многих лет является его бессменным директором.

Столовая. Здесь стоит пианино, на котором часто играл знаменитый русский композитор С. Рахманинов. Федор Иванович Шалапин, не раз бывавший в гостях у Антона Павловича, пел здесь разрозненные русские народные песни.

Посетители подолгу рассматривают венок из пальмовых ветвей. На яркой красной ленте сделана надпись: «Антону Павловичу Чехову, глубокому истолкователю русской действительности, 23 апреля 1900 г.». Этот венок был преподнесен в подарок Антону Павловичу во время гастролей в Ялте Московского Художественного театра, ставившего пьесы «Дядя Ваня» и «Чайка». Успех «Чайки» и «Дяди Вани», по сведениям очевидцев, был потрясающим. Никогда еще Ялтинский театр не видел столько людей, не слышал таких горячих, бурных аплодисментов. На спектаклях вместе с Антоном Павловичем присутствовали Максим Горький, Д. Мамин-Сибиряк, А. Куприн и многие другие известные писатели и общественные деятели.

Кабинет писателя. На стене портрет П. И. Чайковского с надписью: «А. П. Чехову от пламенного почитателя. 14 октября 1889 г. П. Чайковский». Антон Павлович часто встречался с великим композитором. Эти встречи носили теплый, задушевный характер.

В мраморные плиты камня вделана картина И. И. Левитана «Стога сена в лунную ночь». Здесь же экспонируется другая картина Левитана «Река Истра», написанная в 1885 году. Многие вещи, картины, письма свидетельствуют о большой взаимной дружбе гениального писателя с гениальным художником.

Привлекает внимание скромный письменный стол, за которым А. П. Чеховым были написаны повесть «В овраге», рассказы «Дама с собачкой», «Архиерей», «На святах», «Невеста», пьесы «Три сестры» и «Вишневый сад», вошедшие в золотой фонд мировой драматургии.

Домовая книга Чеховых. В ней можно встретить имена многих друзей и знакомых — писателей и артистов, врачей и художников, проживавших в гостеприимном доме Антона Павловича. В 1901 году в ней был прописан Алексей Максимович Горький, которому было запрещено проживать в городе. В доме А. П. Чехова, находящемся в бывшем селе Аутка, ныне поселке Чехово, Горький прожил несколько дней, подолгу ведя задушевные беседы с Антоном Павловичем.

В книге отзывов — тысячи волнующих записей. Музей ежегодно посещают около семидесяти тысяч человек. Сейчас, в дни подготовки к знаменательной дате — 50-летию со дня смерти писателя, приток посетителей увеличился втрое. Здесь можно встретить сибирских лесорубов и украинских хлеборобов, грузинских виноделов и ивановских ткачей, бакинских нефтяников и московских машиностроителей.

Учащиеся одной из московских школ, совершающие поход по южному берегу Крыма, оставили в книге такую запись: «Антон Павлович Чехов для нас — вечный живой и юный; его произведения учат беззаветно любить свою Родину, свой народ. Мы бесконечно счастливы, что своими глазами увидели священные реликвии, связанные с памятью гениального писателя. Для нас, молодежи, имя Чехова является олицетворением всего самого светлого, красивого, кристально чистого, гениального».

Таких записей — тысячи. Они красноречиво говорят о великой любви советских людей к великому писателю.

В. ИВАНОВ.

Ялта.

Из рассказов А. П. Чехова

Смерть чиновника

В один прекрасный вечер, не менее

— Ах полно... Я уж забыл, а вы все о том же! — сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

«Забыл, а у самого хвистов в гла-

ства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изводите себя!»

Генерал соорудил плаксивое лицо и махнул рукой

голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная! — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного

лов строго, кашля и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю! Я покажу вам, как собака распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как штрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий

а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставяй!.. Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская, — думает вслух городской. — На море у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит

который дал спичечный жезл гениальной драматургии Чехова. Дом на Салово-Кудринской — свидетель быстрого роста славы Антона Павловича. Здесь юморист Антоша Чехонте, который из-за нужды писал бесчисленное количество различных юморесок и шуток, превратился в писателя Антона Чехова, чье имя стало известно всей читающей России.

Семья Чеховых занимала оба этажа этого небольшого дома, составлявших небольшую квартиру. В нижнем этаже посетители музея увидят личные комнаты Антона Павловича — кабинет и спальню. Они восстановлены в том виде, в каком были при жизни писателя. Обстановка кабинета поражает своей скромностью: полка с книгами, диван, три кресла, простой, покрытый черной краской письменный стол. За этим столом Антоном Павловичем была написана поэтическая повесть «Степь» — первое из его произведений, появившееся в толстом журнале и сразу выдвинувшее автора в первые ряды литераторов. Здесь же был написан «Иванов» — первая пьеса. За этим столом был подоготовлен к печати сборник «В сумерках», доставивший Чехову академическую премию имени Пушкина.

В этом доме Чехова посещали многие выдающиеся представители русской культуры — Д. В. Григорович, В. Г. Короленко, П. И. Чайковский, А. П. Плещеев, И. И. Левитан, А. П. Ленский, В. Н. Давыдов.

В других трех залах дома Государственный литературный музей показывает исключительное по полноте и исторической ценности собрание материалов, относящихся к жизненному и творческому пути А. П. Чехова. В основе этого собрания — личный архив писателя.

Советский народ бережно и любовно относится к литературному наследию Чехова. Огромными тиражами его книги издаются в нашей стране и в странах народной демократии. Общий тираж изданных произведений А. П. Чехова в Советском Союзе на январь нынешнего года превышает 39 миллионов экземпляров. На стенде — чеховские пьесы, повести и рассказы на русском, украинском и белорусском, казахском и грузинском, польском, албанском и китайском языках. Демонстрируется пять книг Чехова, изданных на молдавском языке.

Тысячи москвичей и гостей столицы посетят особняк на Салово-Кудринской улице, где, осмотрев мемориальный музей, с новой силой ощутят облик Чехова — родного, близкого человека, великого писателя и патриота нашей страны.

А. РОЖНОВ,
(наш корр.)

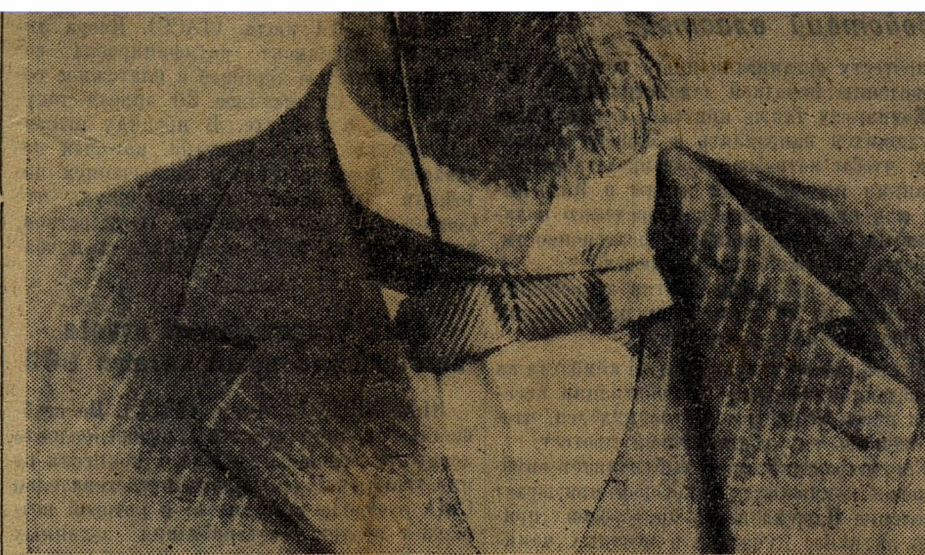
Москва.

«Народная воля» марта 1881 года казнила Александра II, но этот террористический акт стал и концом революционного народнического движения. Паризм установил режим свирепого террора в стране. А само народничество, изменив высоким идеалам революционеров-демократов 60-х годов, быстро вырождалось в либерально-буржуазное течение. И хотя в эти годы в России уже зарождалось революционное движение рабочего класса, распространялся марксизм, но эти важнейшие исторические процессы происходили глубоко в недрах общества, а на поверхности, на виду парили самодержавный произвол да буржуазные либералы, жившие, по меткому сравнению Салтыкова-Щедрина, «применительно к подлости».

Чехов не понял марксизма, не поднялся до осознания высокой исторической миссии пролетариата, и этим объясняются ограниченность его общественных взглядов, либерально-гуманные предрассудки, которые писатель преодолевал, но так и не преодолел до конца. Но он верно понял позорную роль либералов и реакционных народников, пытавшихся представить себя «хранителями наследства» Белинского и Чернышевского. В одном из писем в 1888 году он писал: «Шестидесятые годы — это святое время, и позволить глупым сусаликам узурпировать его значит опознать его».

Это ясное и презрительное отношение к «глупым сусаликам» либерализма отчетливо показывает, сколь ложны попытки буржуазного литературоведения представить Чехова писателем «без мировоззрения», равнодушным к коренным социальным вопросам эпохи. Нет, Чехов продолжал великую традицию русских писателей, в которых, как указывал Белинский, народ видел своих единственных заступников перед царским самодержавием. Чехов высоко понимал долг писателя, свою ответственность перед читателем.

Будучи представителем низовой разночинной интеллигенции, Чехов выразил в своих произведениях ее ненависть к помещикам и капиталистам, презрение к либералам, глубокою и жаркую любовь к людям труда, веру в светлое будущее. Начав с литературных «мелочей» — крошечных юмористических рассказов, Чехов в этом считавшемся «низком» жанре литературы ставил большие и серьезные вопросы своего времени, создавал «маленькие трагедии, глубоко волнующие сердце». Исключительно широк и много-

образен круг его героев. Тут заводчики и фабриканты, стяжатели-купцы, тупые и жестокие полицейские — унтеры пришибеи, бездушные чиновники всех рангов, крестьяне, задавленные нуждой, художники, адвокаты, инженеры, — характеры самые разные: то опустошенные, бесплодные мечтатели, и, наоборот, люди творческого горения, смелые, беззаветно преданные своему делу... Целый мир заключен в его произведениях, и все эти характеры переданы с потрясающей силой правды, точными штрихами художника, раскрывающего самые сокровенные, самые потаенные мысли, чувства, стра-

сти, надежды. Каким огромным философским обобщением, психологическим содержанием наполнен каждый рассказ Чехова, сколько мыслей будит каждое его произведение!

Его светлый, умный талант был многогранен. Чехов поднимался в своих произведениях до подлинной сатиры, создавая такие типические образы, как унтер Пришибеев, Хамелеон, как гнусный и мерзкий «Человек в футляре» — учитель Беликов. Жесточайшим обвинительным актом самодержавию прозвучала знаменитая «Палата № 6». Душная тюремная обстановка, в которую бросил царизм

ВЕЧНО НЕСТАРЕЮЩИЙ, ЖИВОЙ

Чуть блещит пенсне на переносице.
Добрый, строгий и знакомый взгляд.
Годы безвозвратные пронесются,
Книг его страницы шелестят.

И как будто снова слышен смех его,
Слышен голос — искренний, родной.
Кажется, я вижу рядом Чехова,
Он сейчас беседует со мной.

Слушая меня, глядит он весело,
В каждом слове столько теплоты:
— Ванька Жуков, значит, стал профессором?
— Воплотились Астрова мечты?

Гордо взвилась чайка белокрылая
С занавеса МХАТа над страной.
И сердца волнуется с новой силой
Чехов нестареющий, живой.

С пьесами, и с лирикою нежною,
И с сатирой — нам приходит он.
И боится Чехова попречьему
Пришибеев и Хамелеон...

Чуть блещит пенсне на переносице.
Добрый, строгий и знакомый взгляд.
Годы безвозвратные пронесются,
Как расцвел сейчас вишневый сад!

И уже, конечно, не Лопахин —
Мы хозяева теперь в саду!
И расстил сады, поля распахивать
Нам у всей планеты на виду!

Вся земля советская в цветении.
И восход торжественен и ал.
Не о нем ли Чехов с вдохновением
И писал, и думал, и мечтал!

Юрий ЧЕРНОВ.

всего себя отдавая какому-либо делу. И именно этим труженикам, людям с творческой душой, посвящены его самые замечательные страницы. Таков врач Дымов, герой рассказа «Попрыгунья», скромный и самоотверженный труженик, не падающий самого себя для науки, глубоко обаятельный, истинно русский характер. Таков и доктор Астров из «Дяди Вани», мечтающий насадить леса, чтоб вернуть земле плодородие, дать счастье людям. Такова и Чайка — Нина Заречная, несмотря ни на какие испытания ставшая стойкой актрисой. Таков и молодой ученый-химик Ярцев и многие другие герои Чехова.

Именно за эту страстную любовь к людям труда так высоко ценил и любил Чехова родоначальник литературы социалистического реализма — великий Горький.

Чехов был великим мастером рассказа, в котором он выступил смелым новатором, создавшим непревзойденные в мировой литературе художественные образы. Он же выступил и как замечательный драматург, принесший на сцену и новое содержание, и новые формы.

Горький говорил об изумительном мастерстве Чехова — художника слова: это писатель, у которого нет ни одного лишнего слова. Главный герой чеховских книг — правда.

Язык Чехова удивителен по своей лаконичности, простоте, точности, меткости. В трех-пяти словах дается целая картина, черта характера, характеристика события или человека.

Русский писатель, с удивительной силой передавший в своих книгах и своеобразие национального характера, и красоту родной природы, писавший во всем блеске и красоте русского языка, Чехов стал любимым писателем всего человечества.

И в далеком Китае его пьесы ставятся на сцене, его книги переводятся лучшими писателями. И в Азии, Америке, Европе — во всех частях света творчество Чехова оказало влияние на развитие литературы XX века.

О благотворном влиянии Чехова говорят и французские, и датские, и немецкие, и американские, и чешские писатели.

Решение Всемирного Совета Мира о праздновании юбилея Чехова есть выражение любви и преклонения всего передового человечества перед великим русским писателем Антоном Павловичем Чеховым.

М. КУЗНЕЦОВ.

масским Горьким, Д. Мамин-Сибиряком, А. Куприн и многие другие, известные писатели и общественные деятели.

Кабинет писателя. На стене портрет П. И. Чайковского с надписью: «А. П. Чехову от пламенного почитателя. 14 октября 1889 г. П. Чайковский». Антон Павлович часто встречался с великим композитором. Эти встречи носили теплый, задушевный характер.

В мраморные плитки каминная вделана картина И. И. Левитана «Стога сена в лунную ночь». Здесь же экспонируется другая картина Левитана «Река Истра», написанная в 1885 году. Многие вещи, картины, письма свидетельствуют о большой взаимной дружбе гениального писателя с гениальным художником.

Привлекает внимание скромный письменный стол, за которым А. П. Чеховым были написаны повесть «В овраге», рассказы «Дама с собачкой», «Архирей», «На святках», «Ненасест», пьесы «Три сестры» и «Вишневый сад», вошедшие в золотой фонд мировой драматургии.

Домовая книга Чеховых. В ней можно встретить имена многих друзей и знакомых — писателей и артистов, врачей и художников, проживавших в гостеприимном доме Антона Павловича. В 1901 году в ней был прописан Алексей Максимович Горький, которому было запрещено проживать в городе. В доме А. П. Чехова, находясь в бывшем селе Аутка, ныне поселке Чехово, Горький прожил несколько дней, подолгу вела задушевные беседы с Антоном Павловичем.

В книге отрывок — тысячи волнующих записей. Музей ежегодно посещают около семидесяти тысяч человек. Сейчас, в дни подготовки к знаменательной дате — 50-летию со дня смерти писателя, приток посетителей увеличился втрое. Здесь можно встретить сибирских лесорубов и украинских хлеборобов, грузинских виноделов и ивановских ткачей, бакинских нефтяников и московских машиностроителей.

Учавшие одной из московских школ, совершающие поход по южному берегу Крыма, оставили в книге такую запись: «Антон Павлович Чехов для нас — вечная живая и юная; его произведения учат беззаветно любить свою Родину, свой народ. Мы бесконечно счастливы, что своими глазами увидели священные реликвии, связанные с памятью гениального писателя. Для нас, молодежи, имя Чехова является олицетворением всего самого светлого, красивого, кристально чистого, гениального».

Таких записей — тысячи. Они красноречиво говорят о великой любви советских людей к великому писателю.

В. ИВАНОВ.

Ялта.

Из рассказов А. П. Чехова

Смерть чиновника

В один прекрасный вечер, не менее прекрасный эскутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя изверху блаженства. Но вдруг... В рассказе часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отстранился от глаз бинокля, нагнувшись и... ахнул!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков несколько не сконфузился, утерся платочком и, как великий человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханием? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Брижжалова, служавшего по ведомству путей сообщения.

«Я его обрызгал! — подумал Червяков. — Не мой начальник, чужой, но все-таки человек. Извиниться надо».

Червяков кашлянул, поднес туловищем вперед и зашептал генералу на ухо: — Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...

— Ничего, ничего...
— Ради бога, извините. Я ведь... я не желаю!

— Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал. Его начало помучивать беспокойство. В антракте он подошел к Брижжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

— Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

— Ах полно... Я уж забыл, а вы все о том же! — сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, — подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. — И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!».

Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве. Жена, как показала ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Брижжалов «чужой», успокоилась.

— А все-таки ты сойди, извинись, — сказала она. — Подумает, что ты себя в публичке держать не умеешь!

— То-то вот и есть! Я извинялся, да он, как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать.

На другой день Червяков надел новый вицмундир, полизнулся и пошел к Брижжалову объясниться... Войдя в приемную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал прием просителей. Опробив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

— Вчера в «Аркадии», ежи приносите, ваше-ство, — начал докладывать эскутор, — я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

— Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? — обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! — подумал Червяков, бледнея. — Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...».

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:

— Ваше-ство! Если я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чув-

ства, могу сказать, раскаяния... Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал состроил плаксивое лицо и махнул рукой.

— Да вы просто смеетесь, милости-с! — сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки? — подумал Червяков. — Вовсе тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять! Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфаном! Чорт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-богу, не стану!».

Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал, а никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

— Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, — забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, — не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с... а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Если мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

— Пошел вон! — гаркнул вдруг юн-синевый и затрясшийся генерал.

— Что-с? — спросил шопотом Червяков, млея от ужаса.

— Пошел вон! — повторил генерал, затапав ногами.

В жилище у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он пошатнулся к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер.

Хамелеон

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как

голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная! — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада кушач Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и растегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подвигавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро сколо дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие! — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в растегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полушпальном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!» да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой шенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец? Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак; — насчет дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того, ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевеливал... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтобы от твари терпеть... Если каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете.

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов.

лов строго, кашляя и поведя бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю! Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот. Я ему покажу кузькину мать!..

Елдырин, — обращается надзиратель к городскому, — узнай, чья это собака, и составь протокол! А собаку истребить надо. Не медля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, каковы, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм! Снимм-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одно только я не понимаю: как она могла тебя укунуть? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровяк! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришила в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, пыгаркой ей в харю для смеха, а она, не будь дура, и тынула... Взорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видел, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по-совести, как перед богом... А ежели я вру, так пущай мировой рас судит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него все больше лягавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а это — чорт знает что! Ни шерсти, ни вида... Подость одна только... И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон,

а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно прочесть! Пора...

— А может быть, и генеральская, — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром продуло... Знаю... Ты отведешь ее генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорога, а ежели каждый свинья будет ей в нос ситаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаким у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и все.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намерен был приехать. Нам не охотнее до борзых. Брат ихний охотнее...

— Да разве братец ихний приехал? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой.

— Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожжишь? Ррр... Рр... Сердитесь песьма... Пуцки этаким...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запихиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.